

12 $\frac{02 - 7}{113 - 7}$

я и науки Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Социально-теоретический альманах № 9

Санкт-Петербург
Нестор
2005

8358-09

2005384504

Россия в глобальном мире. Социально-теоретический альманах
№ 9. Приложение к журналу для ученых «Клио». СПб.: Нестор, 2005.
340 с.

Под общей редакцией:

доктора философских наук, профессора *В.П. Горюнова*
доктора исторических наук, профессора *С.Н. Погодина*

Журнал «Клио» основан и зарегистрирован 9 июля 1996 г.
свидетельство о регистрации П-202045. Выдано Северо-Западным
регистрационным управлением Комитета Российской Федерации по
печати (Санкт-Петербург).

Учредитель С.Н. Полторак

ISBN 5-303-00226-8

Печатается в авторской редакции

© Журнал для ученых «Клио», 2005
© Издательство «Нестор», 2005
© Авторы публикаций, 2005

В.П. Горюнов

ОТ ЭНЕРГИИ БЕГА НА МЕСТЕ К ЭНЕРГИЧНОМУ ДВИЖЕНИЮ ВПЕРЕД (Когда наступит время великого прорыва?)

Современная Россия, будучи правопреемницей и продолжательницей всей общероссийской истории, унаследовала экономическую, социальную, этническую, религиозную и общекультурную дифференцированность при огромной территории с ее географической неоднородностью. Соответственно, Россия унаследовала и особый характер своей государственной целостности, требующей больших усилий для своего поддержания. Из всей совокупности внутренних и внешних проблем ключевой изначально оказалась именно проблема сохранения целостности, потому что с ее решением связано решение всех остальных. Однако в течение последних полутора десятилетий социально-политическая и геополитическая динамика все более приобретает тенденцию ослабления целостности России и все более выявляет угрозу самому факту существования страны. Ее физические границы к настоящему времени достигли минимального критического значения, за пределами которого Россия превратится в некое иное геоисторическое образование.

Лишившись своей целостности, Россия перестанет быть Россией, а ее граждане перестанут быть свободными гражданами свободной страны со всеми вытекающими последствиями. Сохранение целостности сохраняет и сами возможности решения проблем обустройства всей нашей жизни, тогда как, лишившись целостности, мы теряем последние шансы для этого. Таким образом, можно достаточно определенно говорить о зависимости дальнейшего существования России как такового от ее целостности и положения в мире в качестве великой державы, а не в скромной роли одной из среднестатистических стран. В связи с этим следует напомнить, что в своем видении будущего человечества мы являемся сторонниками модели многополюсного мира, и здесь надо обязательно добавить, что Россию в этом мире мы видим в качестве одного из полюсов, одного из центров притяжения, а не малозаметной частицы пылевого шлейфа.

В принципе совокупность проблем и связанных с ними целей и задач в современном существовании России достаточно очевидна. Для всех стран схема благополучия и неблагополучия примерно одинакова (по аналогии со здоровьем или болезнью человека, понимание которых людьми в целом совпадает). Поэтому обращенные к массе политические лозунги различных партий также в целом совпадают. Задача в том, чтобы определить особенности России в оценке ее состояния, а это уже неоче-

видно (здесь опять уместна аналогия с тривиальной медицинской истиной – лечить надо больного, а не болезнь).

Россия не является отсталой и подчиненной страной, она переживает состояние кризиса после распада, но при этом она ослаблена настолько, что единство социального действия требует для своего поддержания значительных усилий со стороны государства, обеспечивающего соблюдение общественного интереса. Пока что внутренний разлад в России превышает наличную силу саморегулируемой целостности.

Как известно, трансформация общества – это структурное изменение, перестраивание, не имеющее ни определенной прогрессивной или регрессивной направленности, ни вообще качественной изменчивости эволюционного или революционного характера. Это даже не хождение по кругу, а беспорядочное метание в экономике, политике и духовной жизни – общество как будто заблудилось. Но, как и всякое движение, трансформация нуждается в движущей силе, источнике энергии, без которой она превращается в распад.

Трансформация – это не реформа, а слом определенного старого без перехода к определенному новому. В России трансформация была на первом плане, когда разрушали социализм, когда единственной задачей явилась приватизация, потому что главное было в том, чтобы сломать старое, а все остальное (абсолютно неясное) откладывалось на потом. Пусть будет как угодно – лишь бы не по-старому, – вот образ российской трансформации. Источником ее энергии послужила сама старая система, накопившая большой объем жизненных ресурсов.

Задача слома старого общества была выполнена с превышением, из состояния трансформации пора выходить и формировать нечто новое. Нельзя застыть в переходном состоянии. Чтобы изменить направление, надо развернуться, но нельзя просто крутиться на месте. Источником энергии непрекращающейся трансформации на современном этапе стали нефтедоллары, – по сути случайный фактор, от которого трансформация не переросла в стабилизацию.

При переходе от централизма к либерализму на смену плану приходит проект. Однако в условиях трансформации в силу отсутствия какой-либо определенности невозможно ни то, ни другое. России необходимо выйти из состояния трансформации, но этому мешает отсутствие определенного социального проекта по причине заклинивающего равновесия противоположных интересов, суммарно образующих два основных вектора, из которых один направлен на реконструкцию российской целостности при сохранении самой России, другой означает растворение целостности в агрессивной среде глобального либерализма, экспортирующего мировую демократию. Глобализация в этом аспекте может рассматриваться как установление всемирной демократии, которая есть цель

мировых лидеров и фактически воплощает в себе режим однополюсного мира.

Трансформация России в решающей степени определяется воздействием на нее со стороны окружающего мира, в результате чего трансформация может быть представлена скорее как деформация. При этом сам мир, как система общественных отношений, на протяжении всей истории постоянно трансформируется без какой-либо позитивной направленности, хотя материально-предметная сфера общества, в первую очередь, техника, рассматриваемая в отрыве от ее общественной природы, особенно от экологического измерения, якобы прогрессирует. Это означает, что социально общество никуда не движется, оно только трансформируется под воздействием развивающейся материальной предметности, причем то и другое становится все более динамичным.

Перманентное состояние трансформации России порождает ее обостренную сосредоточенность на своем и чужом будущем, Россия буквально живет будущим, связывая с ним начало новой, подлинной жизни, свободной от тяжелого груза нынешних проблем. Однако в условиях вытекающей из трансформации неопределенности, неустойчивости прогнозировать, а тем более планировать на сколько-нибудь отдаленную перспективу невозможно. Более того, весь мир становится все более динамичным, а потому и временные отрезки прогнозирования – все более короткими. В абстрактной тенденции дело идет к тому, что люди не смогут знать (быть уверенными) о том, что их ждет завтра.

В социально-психологическом плане эта ситуация выражает качественное преобразование в сознании россиян, отражающее коренные изменения их бытия. Люди отказываются от будущего и сосредоточиваются на настоящем, их девизом стала жизнь сегодняшним днем, его маленькими и большими радостями. Освобождение от тоталитаризма обернулось освобождением от будущего. Соответственно, всякая более или менее конструктивная постановка вопроса о будущем России, который в конечном счете сводится к вопросу о сохранении ее целостности, болезненно воспринимается как призыв к возврату тоталитаризма.

Фундаментальная альтернатива современной России – быть зависимой или нет. При этом сразу надо определиться, что зависимость и участие в разделении труда – это разные вещи. Зависимость не равна взаимозависимости.

С точки зрения элиты (власти и собственности) стремление к самостоятельности России объективно задано ее стремлением к сохранению собственной независимости, собственного благополучия. Здесь они совпадают – независимость хозяев и хозяйства.

Казалось бы, иное положение в вопросе о независимости России с точки зрения простого человека, рядового обывателя. На первый взгляд,

благополучие простого человека (наемного работника) не связано с ее зависимостью или независимостью, они не совпадают. По отношению к власти и собственности ему все равно, потому что он одинаково подчинен элите, а потому ему объективно безразлично — своя она или чужая. По ленинской терминологии пролетариату все равно кто его эксплуатирует — своя или чужая буржуазия.

Значит, это определяется в соотношении на уровне обывателей (простых людей) с той и другой стороны, а именно — есть или нет зависимость положения российского обывателя от зависимости или независимости России по отношению к чужому обывателю. Иначе говоря, при зависимом положении России проникает ли в нее только чужая элита, или вместе с ней и чужой обыватель? В данном случае подразумевается не миграция населения, а распространение влияния на характер производства. Нередко можно слышать тезис о том, что простому человеку (труженику) все равно, у кого получать зарплату и у кого покупать товар. Лишь бы зарплата была высокая и товар хороший. Но в зависимой, подчиненной стране этого просто не может быть — ни достаточного качества и количества рабочих мест, ни, следовательно, высокой зарплат, а без нее и хорошего товара.

Итак, в настоящий момент для россиян вполне обоснованно выглядит противопоставление — жить скромнее, но самостоятельно (не смешивать с изолированностью), иначе при зависимости будет просто плохо. А по максимуму — надо быть независимыми именно в предельно широкой системе разделения труда. Но это безумно трудно воплотить в реальность. Впрочем, сохранить независимость без лидерства тоже очень трудно, потому что окружающий мир в покое не оставит. Вот где нужна стратегия, экономическая и политическая.

В условиях глобализации чисто экономическое принуждение одних общностей другими достигает предельного насыщения, потому что правящая элита любой общности хочет хозяйствовать сама (использовать в качестве средства своей жизни, как минимум, свой народ). Поэтому неизбежен этап насильственного, военного принуждения в разных формах. Самая простая и бескровная — блокада. Но самоизолированную общность бессмысленно блокировать, разве что отрезать от непосредственных источников существования, подобно тому, как крепости отрезали от воды. По отношению к самоизолированным общностям оказывается обратное воздействие — их силовое взламывание, как когда-то взломали Японию. Но сейчас таких самоизолированных общностей нет.

В подчиняющем воздействии на общность всегда был и остается один смысл — получение от нее дополнительного ресурса жизни, превращение ее в средство. Исторически первый и самый простой способ — получить дань. Сами произвели, сами отдали. Этот способ подвергся отри-

цанию по мере технического прогресса, когда все выгоднее было не захватывать добычу или принудить к дани, а организовать производство чужими руками и на основе ресурсов. Глобализация демонстрирует отрицание отрицания — без какого-либо принуждения сами произвели и сами отдали в виде неэквивалентного обмена продуктами. Россия отдает сырье — это стало банальностью. А продукты производства, если они хуже и дороже, не отбирают, потому что они никому не нужны, кроме тех, у кого еще хуже. Но у тех, у кого продукты производства еще хуже, они дешевле.

Из России уходит в процессе неэквивалентного обмена вещественное и интеллектуальное (мозги) сырье. О рабочей силе говорится меньше, гастарбайтеры в Европе не российские.

Каков же порог войны и мира в условиях глобализации? Для империализма был характерен передел мира. Германия и Япония — молодые обделенные хищники XIX (вторая половина) — XX (первая половина) вв. А сейчас вызывает неизбежное столкновение между старыми и новыми гигантами? Этот вопрос пока не имеет ответа, его можно только предположительно поставить.

Если общность оказывается перед угрозой распада, то государство применяет объединяющее насилие. Линии социального разлома могут быть по самым разным основаниям: этническое, религиозное, региональное, — но все они объединяются линией размежевания между лидирующими группами по корпоративным интересам. Государство должно быть выше частного интереса. В передовых мировых общностях внешний интерес довлеет над внутренним, поэтому там нет необходимости в крайнем насилии над внутренними конкурентами. В современной России борьба частных интересов бескомпромиссна, она разрывает общность на части, обрекает ее на раскол. Государство не может позволить бизнесу такую борьбу. Оно не примиритель и не проповедник, государство при необходимости должно выполнить свою охранную функцию силой. Однако для этого нужна политическая воля. Разумеется, на таком силовом основании единство общности не может держаться вечно, а потому главной функцией государства должно быть создание условий для прорыва общности в системе внешнего социального взаимодействия.

Последнее время в рамках бесспорного до банальности тезиса о единстве российского общества получил распространение тезис о необходимости единства государства и бизнеса, которое является обязательным условием выполнения крупных национальных программ, непосильных для одного государства. Речь, стало быть, идет о том, что у государства недостаточно средств, т.е. денег, для решения государственных (потому что оно за них отвечает) проблем. Бизнес должен поделиться с государством, — вот пафос этого тезиса. А если не поделится? Тогда вышеука-

занные программы окажутся принципиально невыполнимыми, т.е. под угрозой окажется само существование России.

Что же такое (или кто такой) российский бизнес?

С одной стороны, это сфера общества, прежде всего, производственная, обособившаяся от государства, совпадавшего ранее со всем обществом; а с другой – конкретные люди, завладевшие этой сферой, ее нынешние собственники. Следовательно, бизнес является предметом одушевленным и неодушевленным одновременно.

Обособление части общества, формально выразившееся в отделении собственности от власти, повлекло за собой обособление другой его части, государства, которое перестало отвечать в полной мере за всех остальных людей, не являющихся собственниками. Иначе говоря, капитал отделился от государства, а государство отделилось от общества. При этом персонифицированная преемственность собственности закреплена законом, а персонифицированная преемственность власти обеспечивается выборными технологиями при финансовой поддержке со стороны собственности. Здесь нетрудно увидеть гегелевскую диалектику данного процесса – действие закона отрицания отрицания, ведущего к синтезу того и другого на новом, как говорится, более высоком уровне.

В лидирующих общностях с объективной сменой циклов общественного развития связана смена партий у власти как смена дежурных команд власти. Образ перехода власти из одной руки в другую здесь вполне уместен. В России это должна быть просто партия власти, а не сменная команда. Трансформация России определяется борьбой различных социальных групп за господство; здесь нет общей цели, направленности; результаты трансформации непредсказуемы. Партия власти должна все это иметь – направление, цель (в виде определенной модели), пути и средства ее достижения.

Трансформация современной России, которая длится вот уже 15 лет, сама по себе является не целью, а средством. Цель состоит именно в движении к какому-то осязаемому конструктивному результату. Таким конструктивным результатом (конечной целью) является всеобщее благополучие. Коммунизм объявили химерой, а всеобщее благополучие в качестве лозунга оставили. Но в таком случае коммунизм оказывается всего лишь негодным способом достижения всеобщего благополучия.

В принципе формула всеобщего благополучия более понятна, чем формула коммунизма “от каждого по способности, каждому по потребности”. Кстати, более реальна и понятна формула социализма “от каждого по способности, каждому по труду”, но она не поддавалась точному расчету: как и чем измерять способности и труд, в каких единицах? Здесь не слышно стройного хора экономистов.

Тем не менее, формула всеобщего благополучия предполагает простую вещь: возможность каждому социально активному (участвующему в производстве) человеку полностью прожить хотя бы свою природой отпущенную жизнь. А для этого ему надо быть сытым, обутым, одетым, иметь нормальное жилье, возможность учиться, в меру работать и отдыхать, лечиться и т.п. Разумеется, если он сам хочет прожить свою жизнь полностью, не укорачивает ее какими-либо отклонениями или пристрастиями. Всего лишь.

Здесь могут быть две линии дискуссии. Одна путано-казуистическая о том, а каким содержанием должна быть наполнена жизнь, достойная и недостойная, уравненная или нет, и как сделать, чтобы все стремились к такой жизни и т.д., и т.п. Такие дискуссии уже были в период строительства коммунизма – что значит “по потребности”, сколько человеку надо костюмов, каждому ли автомобиль и пр.? И как человека заставить работать “по способности”? Разумеется, роль субъективного (человеческого) фактора велика, и правы были коммунисты, когда говорили о необходимости коммунистического воспитания, без которого ничего не получится.

Другая, реальная дискуссия, сводится к вопросу “А возможно ли это вышеуказанное “всего лишь”? Дело в том, что оно предполагает одно простое условие – чтобы общество было не то чтобы богатым, а *очень* богатым. Вот где подлинная проблема возможности благополучия.

У России два, на первый взгляд, альтернативных пути развития, позволяющие сохранить целостность:

1. Экстенсивный, основанный на лавировании и игре на противоречиях окружающего мира. Преимущество России – это территория и ресурсы (раньше преимуществом было население). Россия всегда была и долго будет, благодаря этому преимуществу, кому-то нужна, кем-то востребована. Для кого-то привлекателен еще ее военный потенциал. Но это преимущество сокращается, как шагреновая кожа, его не хватит на длительную историческую перспективу.

2. Интенсивный, инновационный рывок, подобный индустриализации в Советском Союзе. Потенциал для этого есть, но рывком эту инновационизацию не осуществить. Зато она обеспечивает устойчивость и искомую длительную перспективу. Инновационная Россия не будет иметь равных.

По идее – это два взаимодополняющих друг друга принципа. Но их реализация требует очень талантливых, волевых, целеустремленных, самоотверженных людей у власти. В конечном счете, все дело оказывается в людях: волевая и самоотверженная элита, достаточно умеренная в своих притязаниях масса, компенсирующая умеренность своей жизни в потребительском плане идеями, верой, вообще высокой духовно-

стью. Кто-то сразу же злорадно скажет — мы все это уже проходили. Пусть так, но тогда пусть он оставит в покое вопрос о независимости России.

Трансформация рождает и свое противоядие в виде консерватизма, который означает направленность деятельности людей на выживание (сохранение) общности. Точнее — на сохранение средств, способа, обеспечивающего достижение главной цели — выживание. Речь идет о сохранении (поддержании) способа жизни. Именно способ консервируется.

Но в ходе общественного развития возникают новые средства поддержания жизни, формируется новый способ жизни. Возможно возникновение противоречия между старым и новым. Вот тут и появляется консерватизм, который может иметь как положительный, так и отрицательный характер.

В силу многообразия сфер жизнедеятельности и средств поддержания способности общности к выживанию многообразны и проявления консерватизма: политический, технологический, правовой, семейный, религиозный, социальный и т.п. В принципе возможно прописать консерватизм по всем этим сферам, в том числе и их взаимосвязь.

Лозунговое обращение к социальному консерватизму как модели социального развития предполагает определенность видения его содержания и назначения, в противном случае он не может быть предметом призыва. По своему содержанию современный российский социальный консерватизм представляет собой идеологию сохранения определенно-го набора ценностей и норм общественной жизни России советского образца: доступное образование; доступная медицина; доступное жилье; обеспеченная старость; коллективизм при свободном развитии личности, т.е. при отсутствии антагонизма между личным и общественным, но при допущении и готовности к жертвенности личного в пользу общественного (гуманизм и патриотизм); справедливость власти (совпадение справедливости и законности); сочетание свободы и ответственности, порядка, дисциплины; гуманистическое наполнение культуры и др. Примечательно то, что многие из этих призываемых к сохранению норм и ценностей никогда не были реализованы на практике в полной мере, но всегда были целевыми ориентирами в организации российской социальной жизни.

Социальный консерватизм в обобщенном виде означает курс на сохранение общности как таковой. Отдельные составляющие консерватизма — сохранение культуры (например, языка), ценностей (например, семьи), форм политики, религии, национальных праздников и т.п. Но консерватизм не тождествен простому консервации, вызывающей загнивание, сохраняться может только развивающаяся, а значит, реформируемая, модернизируемая общность. Следовательно, консерватизм не абсолютен, а относителен, конструктивен. Отстаиваемые элементы об-

щности когда-то при своем возникновении сами были новыми. В этом смысле социальный консерватизм можно рассматривать как стремление к преобразованиям без социального риска, защита от социального риска, который объективно несет в себе новация, а не абсолютное отторжение новации. Консерватизм не перекрывает инновационный процесс, но тестирует его и ищет средства защиты от отрицательных следствий.

Запад знает две модели общества — традиционное и современное. Последнее — это общество равных (людей, регионов, партий, конфессий и т.д.). В России к современному обществу призывают либералы (западники). Централисты (славянофилы) в публичных речах призывают к тому же, но объективно (и справедливо) толкают к сохранению традиционного общества. Здесь России нечего изобретать.

Перед Россией стоит задача превращения в современную великую державу, экономически независимую, в научно-техническом и технологическом отношении передовую, социально гармоничную, военно-политически влиятельную. Для этого необходимы: деловая и социальная активность большинства населения, направленная на выполнение общественно значимых задач; целевое единство социального действия, преобладающее над внутренней конкуренцией и борьбой на взаимоуничтожение и обеспечивающее тем самым устойчивость существования России, ее целостность, гарантированное выживание в окружающем мире. Так называемое социальное партнерство означает именно целевое единство социального действия, подобное единству пассажиров поезда, состоящему, независимо от класса вагона, в том, чтобы всем вовремя и благополучно доехать до места назначения, которое у каждого пассажира свое.

Однако новой идеологии, определенной и понятной людям, с которой согласилась бы основная масса населения, пока еще не выработано. Структура собственности, обеспечивающая устойчивое функционирование и развитие производства, еще не сложилась. Соответственно, государство еще не стало субъектом эффективного управления, основанного на твердом понимании стратегических долгосрочных целей России. Для устранения этих пробелов требуется, во-первых, существование ведущей организации, во-вторых, наличие политической воли.

В лидирующих странах социальная активность населения и единство социального действия формируются как элементы самоорганизации общества, потому что его члены объективно заинтересованы в сохранении лидирующего положения своей страны, в этом они поддерживают усилия государства и сами подталкивают его в этом направлении.

В отсталых и подчиненных странах частный интерес превышает общественный, то есть конкуренция и борьба превышают единство инте-

ресов, поскольку активность деятельности индивидов направлена на собственное выживание вне связи с выживанием страны. Государство здесь имеет частный характер, будучи орудием в руках одной из социальных, этнических, религиозных и т.п. групп населения.

Трансформация должна смениться развитием, от энергии бега на месте, пусть даже по типу спурта, надо переходить к энергичному движению вперед. В начальный период трансформации многие говорили о России, которую мы потеряли. Сейчас впору говорить еще об одной потерянной России. Но пора сформировать образ России, которую надо приобрести. Однако кто видит образ этого нового, и кто знает истинное направление движения?

Одной из особенностей российской истории является то, что перед Россией почти все время стоит мучительная проблема выбора пути развития, которая в очередной раз чрезвычайно обострилась на наших глазах. Вместе с тем, в самом факте стоящей перед нами проблемы исторического выбора заключено определенное позитивное содержание, которое состоит в том, что возможность выбора означает нашу свободу, и эту возможность мы обязаны сохранить навсегда, чтобы никто и никогда не решал за нас и не выбирал нам способ нашей жизни.

РАЗДЕЛ I.

XX ВЕК: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРОПЫ

О.А. Андрякова

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ВАТИКАНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

На рубеже XIX–XX вв. в Европе наблюдался процесс формирования военно-политических блоков, столкновение которых, в конечном счете, привело к развязыванию первой мировой войны. В этой связи, положение других государств определялась тем, какие цели они ставили перед собой в свете надвигающегося военного конфликта.

Папство, лишившись своей государственности после 1870 г., одну из главных задач видело в возвращение утраченных территорий¹. Папа Лев XIII, избранный в 1878 г., провозгласил идею объединения христианских церквей, он стремился занять активную политическую позицию и вернуть Ватикану утраченное международное положение. Одной из задач, которую ставил понтифик, было восстановление дипломатических отношений с Россией, прерванных в 1865 г. в ходе польского восстания, когда католическое духовенство выступило на стороне восставших.

Проблема дипломатических отношений России и Ватикана на рубеже XIX–XX вв. освещалась в советской историографии, но эти работы отличаются определенной идеологической направленностью². В последние годы было опубликовано несколько статей, посвященных разным аспектам русско-ватиканских отношений. Часть этих исследований вошла в сборник «Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX вв.»³.

В начале 1878 г. венский нунций передал через российского посланника в Вене Новикова обращение Льва XIII к Александру II, где понтифик, в частности, предложил восстановить дипломатические отношения между обеими сторонами. Переговоры между Россией и Ватиканом начались весной 1880 г., и проходили сначала в Вене, затем в Риме.

С российской стороны в переговорах участвовали посол в Вене граф Убриль и директор департамента духовных дел Мосолов, со стороны Ватикана кардинал Якобини, которого в 1881 г. сменил глава конгрегации по чрезвычайным делам Галимберти. Впоследствии, когда переговоры были переведены в Рим, вместо графа был назначен представитель министерства иностранных дел Бутенев, который и завершил миссию после отставки Мосолова. Римская Курия была недовольна участием представителя министерства внутренних дел, считая, что это снижает дипломатический статус переговоров. Но российскую сторону интересовали, прежде всего, вопросы внутривластного характера, более того в перечне первоочередных задач, составленном для российской

СОДЕРЖАНИЕ

В.П. Горюнов. От энергии бега на месте к энергичному движению вперед (Когда наступит время великого прорыва?)	3
РАЗДЕЛ I. XX век: политическая трансформация Европы	13
О.А. Андрякова. Дипломатические отношения России и Ватикана в конце XIX – начале XX вв.	13
А.В. Валуев. Великобритания, Германия и Европейский Союз на пороге XXI столетия	17
А.В. Валуев. Тони Блэр, Герхард Шредер и «третий путь»: история несостоявшегося альянса (1998–2000 гг.)	23
И.В. Иванников. Парижская мирная конференция (1919 – январь 1920 г.). Разгром интервенции Антанты	28
А.В. Иванов. Шведская политика неприсоединения к военным союзам: прагматичная позиция	40
К.С. Лисицкая. Специфика развития российско-финляндских культурных связей	42
К.С. Лисицкая. Российско-финляндские культурные центры	50
О.Г. Парамузова. Международно-правовая концепция «ядерное нераспространение» в контексте новых геополитических реалий	56
А.В. Рыжковский. Реакция ЕС на финский проект концепции «Северного измерения»	61
Н.В. Федоров. Доктрина «морской силы» А.Т. Мэхэна и советская военно-морская мысль 1918–1941 гг.	64
Т.В. Хрулева. Отношения США и Европейского союза в области европейской безопасности на современном этапе	70
Т.В. Хрулева. Политика Европейского союза в регионе Юго-Восточной Европы	76
Т.В. Хрулева. Политика Российской Федерации на Балканах	83
Т.В. Хрулева. Швеция и Финляндия: от политики нейтралитета к политике военного неприсоединения	89
Ц.М. Цзин. Особенности политики безопасности ЕС после Расширения	95
Ц.М. Цзин. Оборонный вектор европейской интеграции	97
А.Н. Шамгунова. Влияние Европейского Союза как актора международной политики на особые отношения США и Великобритании	101
Б.А. Ширяев. Россия и США в однополюсном мире	104
РАЗДЕЛ II. Социально-политическая динамика: европейский и российский опыт	112
Е. Болдырева. Социологические аспекты государственной службы Норвегии	112
В.П. Германчук. Не сложившаяся идеология или особенности российского консерватизма	114
Е.В. Кучумова. Современное российское право как объект культурологического анализа	118
А.А. Новиков. Римская субституция и фидеикоммисс в Бессарабии в XIX в.	124
К.В. Повразнюк. Партийная система Республики Сан-Марино	129
К.В. Повразнюк. Феминизация стран Балтийского региона на примере Финляндской Республики	132
С.Н. Погодин. Политическая деятельность М.М. Ковалевского	138
А.П. Серов. Глобализация общественных отношений и российский образ жизни	141
И.Е. Тиммерманис. Социальный консерватизм как идеология современной политики	147
Т.В. Шаулова. Возникновение представительных и законодательных учреждений в России: общее и особенное	150
РАЗДЕЛ III. тенденции экономического взаимопроникновения	156
М.Ю. Мижинский. Правовой опыт гармонизации налогообложения компаний в Европейском Союзе – опыт для России	156

М.Ю. Мижинский. Что Россия может взять из международного правового опыта в области стимулирования развития инноваций?	161
К. Москаленко. Опыт трансграничного сотрудничества: пример Калининграда	174
К. Москаленко. Калининградская область как важный элемент Общего экономического пространства Европейского Союза и России	179
М.В. Ситкарева. Технология GTL, как возможный элемент устойчивого развития и экономической безопасности	186
Т.С. Ягья. Инвестиционная деятельность как новая тенденция в развитии международных экономических отношений г. Санкт-Петербурга	191
РАЗДЕЛ IV. Русские в дальнем зарубежье	199
Г.И. Каневская. Политический портрет русских «Ди Пи» в Австралии (1947–1950-е гг.)	199
А.Я. Массов. РУССКИЕ МОРЯКИ В АВСТРАЛИИ В 1814 Г. (К выходу в свет мемуаров С.Я. Унковского)	204
Е.В. Пантелеева. Русское православное зарубежье в 20–30-е гг. XX в. (историографический обзор)	208
РАЗДЕЛ V. Формирование человека эпохи глобализации	213
В.Н. Алексеев. Основные понятия и термины футбола	213
В.Н. Алексеев. Нескотоные закономерности развития футбола в клубах зарубежных стран	218
В.Е. Баранов. Парадоксальность личности и парадоксы изучения личности	222
Е.Н. Демидова. Политическая реклама в России	227
Л.И. Евсеева. Формирование коммуникативной компетенции специалиста XXI в.	230
Е.Д. Кижнер. Музей в информационном обществе: музейная коллекция как информационный ресурс	234
Г.И. Кургина. Воспитание гражданской позиции средствами музейной работы	237
И.Д. Осипов. Метафизика и мораль в философии А.И. Введенского	241
В.А. Печенкина. Книги с автографами из библиотеки академика М.Н. Тихомирова, подаренной Дальневосточному государственному университету	245
А.И. Пешков. Т.И. Филиппов о началах русского воспитания	250
Б.А. Смагин. Социокультурная коммуникация в условиях информационного общества	251
РАЗДЕЛ VI. Насилие как деморализующее и организующее начало	259
В.В. Валуев. Великобритания перед лицом международного терроризма: итоги и уроки «черного четверга» (7 июля 2005 г.)	259
Ю.И. Голубничая. Роль метода военных игр в практике RAND CORPORATION	265
Ю.И. Голубничая. Корпорация RAND: сущность и значение в политике США	271
А.А. Зверев. Россия в современной борьбе держав за новое равновесие	274
Т.С. Козодой, В.Г. Козодой. Феномен терроризма в контексте противостояния цивилизаций	281
К.В. Повразнюк. Международная анархия в работах Томаса Гоббса и Адама Смита	288
К.В. Повразнюк. Ислам в России на рубеже XX–XXI вв.	293
К.В. Повразнюк. Мусульманская община Итальянской Республики и законодательство Италии по вопросам мусульманской культуры на современном этапе	300
Е.В. Сальников. Трудовая миграция и национализм	305
Н.М. Сланевская. Пацифисты, беллисисты и справедливая война	310
Е.В. Федорова. Определение «антиглобализма» в отечественной литературе: к постановке проблемы	318
Е.В. Федорова. Определение «антиглобализма» в зарубежной литературе: к постановке проблемы	324
Р.Г. Шамгунов. Талибы и страны СНГ	332
Список авторов	337